

Ей было лет тринадцать. Она лежала на маленьком городском пляже, который песчаным полуостровом вдавался в реку. Мелкий камушек, пересыпанный песочком, сделал его любимым местом отдыха жителей небольшого городка. Здесь родилась и вот теперь вырастала Уля. Вокруг плёса было мелко, вода тёплая, излюбленное место купания мамочек с детишками.

Уля одна, совершенно одна, даже Надьку, подружку, с собой не позвала сегодня, лежала на покрывале, чтобы основательно пострадать о своей несчастной, страшно неудавшейся, одним словом, загубленной жизни.

Это ведь только глупая хохотушка Надин, как она сама заставляет всех себя называть, считает, что жизнь – это классная штука. Ещё бы, за ней все мальчишки в школе бегают. Хотя... какая школа в середине лета? Все разъехались кто куда, оставшиеся днями пропадают на речке. А чем ещё в их городишке в июльскую жару заниматься?

Уля не любила свой городок, потому что он был маленьким, заштатным и областным. Не то, что Новосибирск, в который она обязательно уедет учиться, когда окончит школу.

Но больше всего на свете она не любила себя. Потому что, и это она знала точно, была... не красивая! Да-да, именно не кра-си-ва-я!

Ну, во-первых, тощая... худая! Казалось, живи и радуйся, сейчас это наоборот круто, да и на диетах не надо сидеть. Но не до такой же степени? Должны же хотя бы «титки» быть, как говорит её лучшая подружка Надька-Надин. У неё они уже вон какие, да и попа... Зато Надька толстая, это немного успокаивает. Хотя... Уля кривит душой, когда называет подругу толстой. Если она и толстая, то только по сравнению с ней.

Уля, конечно, не тощая, стройная, как уверяют все вокруг, но (она как-то не могла в отношении себя употребить существительное – «грудь») какая грудь, титек-то нет. И попа... её как бы вообще не существует: от туловища сразу идут ноги. А ей уже тринадцать, и эти все дела. И Надька...

Вот с неё всё и началось. Как-то припёрлась к Уле в гости, а та гимнастикой занималась. Она вообще-то спортивная. Сидя на стуле, прогибалась головой до пола, потом обратно. Считала:

– И... раз, и... два, и... три! – количество прогибов. Увлелась и не услышала, как кто-то вошёл.

Уля была в растянутой майке, она каждый раз натягивалась и обнажала так называемую «грудь». А «неуслышанная» подруга стояла и смотрела, пока Уля её не увидела, очередной раз перегнувшись через стул.

– О, привет! – то ли обрадовалась, то ли огорчилась Уля и приняла начальную позу – «девочки на стуле».

Считалось, что они с Надин закадычные подружки и откровенно всё друг другу выкладывают. Ну вот, та и ляпнула тогда, что не ожидала, что у Ульки титек нет, а только прыщички какие-то.

– И за что тебя мальчишки любят? – пожалала Надька круглыми плечиками.

Даже сейчас, лёжа на пляже и обжариваясь на полуденном солнышке, Уля пыталась припомнить, где и какие мальчишки её любят. Боятся – это точно, она с ними особо не церемонится, если что. Надьку-то она невзлюбила после того случая, хотя общаться они не перестали, к тому же ей всё время хотелось выведать у неё про тех... любящих мальчишек. Может, она чего-то не знает, что знает подруга?

Про «прыщики», Надин прям тогда, на месте, стала выкручиваться, что она, мол, пошутила и обидеть не хотела. И даже, увидев изменившееся Ульянино лицо, типа извинилась: – Ой, Улька, ну прости, пожалуйста! Ну, правда-правда: маленькая грудь, это так прикольно, я тоже хотела бы иметь такую.

И добавила ещё:

– Я прям тебе завидую, честно-честно.

Гадина, в общем. Это из-за неё потом у Ули развились все эти комплексы.

Она ведь тоже раньше хохотушкой была. Да такой, что мать, не зная, как её унять и, сама порой смеясь, махала на неё руками и кричала:

– Ульяна, перестань сейчас же! Дурочки всё время хохочут! Ты же – не дурочка?

Нет, теперь Уля совсем не дурочка. Особенно после того, как сама мать однажды добавила дровишек в костерок.

У них ведь дача за городом, где они и проводят почти всё лето. Мать стояла у калитки с бабой Шурой, соседкой, одна с лопаткой для копания земли, другая с тяпкой для её рыхления. Мать стояла, как мать. А баба Шура в шикарной шляпе, с огромными, как кольца Сатурна, полями. Это баба Шура, как она сама говорила, донашивала здесь, на дачах, городские старые шляпки. Уля всегда прыскала, когда слышала про «шляпки», если уж это «шляпки», то, что тогда у неё «шляпы»?

Ну, так вот, Уля шла откуда-то, оборачивала забор и, неожиданно для себя, да и для них тоже, предстала перед взорами двух кумушек. Все замерли и стали смотреть друг на друга: Уля на бабы Шурину очередную «шляпку», похожую на клумбу, а та на неё. Первой баба Шура очухалась и так, ничего себе, изрекла, обращаясь к матери:

– А ведь Ульяна-то у тебя, гляди-ка, красоточкой будет.

Мать сначала гордо покивала, как бы соглашаясь:

– Да-а-а уж...

А потом и вывернула на все сто восемьдесят:

– Только нос вот... на двоих рос!

Жить после этого долго не хотелось.

Конечно, Уля и тут поначалу нашла выход из положения. Она просто поклялась себе, стоя прямо перед зеркалом, отражающим этот её нос и не отражающим, ввиду их отсутствия, остальные части тела, что как только вырастет, сразу же «накачает» грудь и сделает ринопластику. Господи, как хорошо, что она в такое время живёт, а не в какое-то другое. А раньше бы? Вот так и осталась бы с этим носом и с этими... частями тела.

А однажды... и это была последняя капля в этом «чёрном» море расстройств, она решила поплакаться обо всех этих проблемах прямо на груди у матери. Получилось, кто про что, а она опять... «про баню», как изрекает иногда отец. Мать чуть не лопнула, так сдерживалась смеяться. Она думала, что Уля не замечает, а она прекрасно всё замечала.

Нет, мать у неё, конечно, супер: с утра до ночи штудирует книжки по выращиванию «цветов жизни». Ну, то есть, не цветов на даче, а именно, «цветов жизни», то есть детей. Откровенно расхохотаться над чадом, ляпнувшим глупость? Это травмировать психику ребёнка – во всех таких книжках прописано красной строкой. Короче, мать объяснила, с горем

пополам, между приступами сдавленных хиханек, что зря она расстраивается, потому что античная грудь рано или поздно, ей, Ульке, обеспечена:

– Просто надо подождать немного, ну куда ты торопишься, подожди, всё будет!

Уля замерла на полсекунды, ожидая, пока информация провалится внутрь. Но её оказалось маловато, нужны были дополнительные заверения, и она переспросила уже с надеждой:

– А точно будет?

И мать, сделав паузу, опять давила приступ смеха, резонно заверила:

– А как ты думаешь, античные творцы прекрасного дураки по-твоему были, что из глины и даже из «мра-мо-ра» (мать на слове «мрамор» даже ударение сделала), совсем не... «вот такие», лепили?

Но этого всё равно не хватало. Если бы это был единственный недостаток. Но ведь ещё и нос, и отсутствие попы, а самое главное, мальчиков, которые бы за ней, как за Надькой, бегали.

Да что говорить – у-ро-ди-на!

Уля встала и пошла окунуться. С расстройства от неприятных воспоминаний даже не заметила, как легко вошла в прохладную воду. Сначала плюхалась на мелкоте. Но очень близко от пляжа, он и так ведь входил достаточно далеко в реку, дно резко углублялось, а там и основное течение реки. Уля плавать умела, воды не боялась, всё-таки выросла на реке. Но не лезть в само течение, на стрежень, как тут говорили, ума до сих пор доставало. А тут как что-то случилось.

Откуда пришла эта мысль и повела за собой? Ей, разобидевшейся на весь белый свет, не красивой, не любимой, захотелось вдруг в это течение, захотелось неудержимо. А чего бояться, если жизнь всё равно не имеет никакого смыс-

ла? Она ещё сомневалась, но уже делала движения руками в ту сторону, к середине реки, которая и была её сердце. Это сердце-стрежень, конечно, не билось, как у людей, оно упруго и сильно несло свои воды, показывало реке путь, сообщало направление движения. И Улю всей душой потянуло к этому, другому, сердцу.

Сначала страшно не было. Река ласково подхватила и осторожно, тихо так, повлекла. Уля перевернулась на спину, она обожала это делать, и стала смотреть в небо. Небо было абсолютно голубое, чистое-чистое, и два-три белых облачка на всём видимом небосводе. Они улыбались ей приветливо и успокаивающе. В каждом облачке она видела определённый образ. Одно облачко было похоже на утёнка, второе на руно, да-да, то самое, за которым гонялись античные аргонавты, третье... третье просто на снежок. Почему нет? В такую жару ничего удивительного, что там в небесах кто-то захотел покидаться снежками и один из них отбросил сюда, в это чистое и горячее небо.

Она любила фантазировать в той, другой своей жизни, когда ещё любила смеяться.

Хотя... ей больше нравилось, когда облаков много: белых, чистых, пенных, чтобы замки и сказочные великаны. Странный, причудливый мир, может быть, даже где-то существующий, может быть, даже желающий, чтобы о нём узнали здесь, на Земле и, в аллегориях, дающий информацию о себе. Сейчас же три белых облачка улыбались ей беззаботно и счастливо. Ещё бы, ведь они там, в чистом, как мечта, небе, и сами белоснежные и сияющие.

Почему она так хотела чистого и сияющего? Может, потому, что предчувствовала что-то уже? Что мир, который её ожидает, который на неё медленно и неотвратно надвигается, он не таков? Он сложен, он разнообразен и в этом разнообразии не всё позитивно?

И ведь снова Надька-Надин. Им родители смартфоны подарили одновременно. Надька почти сразу припёрлась к ней и стала показывать, что она там нарыла. А нарыла она такое! Они долго всё изучали и вместе, и порознь, пока её, Улю, мать не застала за этим занятием. Ей вдруг стало невыносимо стыдно и противно. Она даже перестала туда заглядывать. Но, если честно, она вообще к этому относится, как к чему-то... потустороннему... там – они, а здесь – она.

Но она понимает, что взросление неизбежно, а во взрослой жизни всё совсем по-другому. И в ней есть нечто неприемлемое для неё сегодняшней. И это была ещё одна проблема, которая заставляла маленькую, тринадцатилетнюю девочку, но почти сформировавшуюся уже физиологически, страдать. Порою Уля пыталась разобраться и в этой, не дающей ей покоя метаморфозе. Но она не знала, она только чувствовала что-то по отрывочным, скорее нечаянным, наблюдениям теперь уже за жизнью взрослых.

Во-первых, не все взрослые приятны, или, как говорят сами же взрослые, адекватны в общении. Да и внешне тоже бывает настолько всего много. Например, есть толстые, как баба Шура. Она ещё и грудастая опять же, и... громогласная, как труба иерихонская, это папа про неё так говорит, за глаза, разумеется.

Сама баба Шура страшно гордится своими «буферами», как она называет свою необъёмную грудь, вечно запакованную в аляпистый, с огромными цветами халат. И очень любит рассказывать, какие она в молодости, благодаря им, имела преимущества перед другими «бабами».

Она так и декларирует: «бабами», хотя себя считает образованной, интеллигентной женщиной, даже театралкой. Действительно, от нечего делать зимами в театр в Новосибирск ездит часто, иногда в компании с матерью.

Так вот, со слов бабы Шуры, мужики за честь подержаться за эти её «буфера», штабелями перед ней валились. С её же слов, у неё такая же и мать была, правда, она всю войну шпалоукладчицей работала, как Нонна Мордюкова, артистка. Но «буфера» и ей так же помогали, как самой бабе Шуре, когда она была ещё Шурочкой. «А сколько я этих мужиков имела...» – то ли вопрошала, то ли утверждала баба Шура.

Сколько имела баба Шура мужиков в молодости, Уля не вдавалась. Да и баба Шура каждый раз называла разные цифры, в зависимости от обстоятельств. Но иногда выдавала такие вещи, что мать, (у неё не было, конечно, никаких «буферов»), завистливо-одобрительно взвизгивала, взмахивала руками и хохотала. Она хохотушка у неё и любит про чужие похождения слушать. Наверное, потому, что сама-то совсем не такая: «всю жизнь «прожила» с одним только Михаилом», то есть с её, Улиным, отцом. Короче, нормальная, а какой ещё могла быть её мать?

Впрочем, баба Шура была иного мнения на этот счёт:

– Ничего ты, Тамара, в жизни не видела, и нечего тебе будет в старости вспомнить.

Жалела она её. Впрочем, Уля мало что из этого всего улавливала, потому что женщины, если она находилась на расстоянии слышимости от них, прикручивали звук, как ухмылялся отец. Или если, например, неожиданно забегала в дом, а кумушки в это время пили чаёк на кухне и болтали, предусмотрительно замолкали.

Но что-то всё-таки до неё долетало, и постепенно она поняла, что есть в разговорах женщин нечто, что она никак не может воспринять. Она не хотела, чтобы это задерживалось в ней, и оно не задерживалось, проходило насквозь. Но каким-то шестым чувством до неё доходило: да, это пока не её жизнь, но лишь пока, потому что во взрослой жизни это

есть. И это придёт и в её взрослую жизнь, и что тогда ей с этим делать, она не знала. Она не хотела, чтобы это было в её взрослой жизни. Вот не хотела и всё!

Да... а ещё у взрослых не всегда красивые лица. Да что там, не всегда, в большинстве своём: и дело даже не в том, что они... не молодые что ли, или морщины там, они какие-то у них... не светлые, несчастные, что ли.

Отец с матерью не в счёт, они какие надо, но другие?

Вот тётя Таня, например, она не толстая и даже наоборот, «прогонистая», как про неё на ихней, дачной, улице говорят. Но – старая, ей целых сорок с чем-то там лет, с вечно уставшими, невесёлыми глазами. Мать говорит, что она загнанная: четверо пацанов, один за другим и один другого шкодливее, и мужик, Васька, кот ленивый: не работает, потому что ему и дома дел полно, а дома никаких дел не делает, потому что некогда.

«А пить когда?» – как вопрошает порой за Ваську сама тётя Таня. Говорят, в молодости красавица была, высокая, статная.

Как же Уля не хотела быть в этой самой «старости» ни такой, как баба Шура, ни такой, как тётя Таня. Какой хотела быть? А чтобы, когда она окончит школу, на неё обязательно обратил внимание Гордей Лапин. Сейчас не обращает, «прикалывается» всё время и особенно тогда, когда она к нему, специально, конечно, придирается и заставляет для класса что-нибудь полезное делать. Она же староста в классе. Но, к моменту окончания школы, она перестанет придирается, потому что не к чему, ведь класса не будет, а главное, тощей замухрышкой перестанет быть! И тогда...

С облаками что-то случилось, они вдруг поплыли как-то уж слишком быстро. Уля отодрала голову от воды, лежала же на спине, и стала оглядываться в поисках берегов. Они оказались неожиданно далеко и незнакомые уже. Хотя... Уля

ахнула, потому что ещё узнала берега, но и поняла, где она находится.

А находилась она напротив ручья, который впадал в реку, что Уля ахнула ещё раз. Они сюда как-то давно на машине с отцом и братом ездили рыбачить, потому что место безлюдное и рыбачить никто не мешает. Берег отвесный, правда, между водой и берегом узкая песчаная полоска. В голову ударило первым страхом. Уля дёрнулась, перевернулась на живот и резко, мощно стала загребать: надо вырваться из стрежневого потока воды, иначе унесёт ещё дальше.

Но её уже несло, и она, не боящаяся реки, умеющая плавать с детства, вдруг испугалась. И этот внезапный, панический, вязкий страх сначала спутал её по рукам и ногам, но потом напугал снова так, что она, как сумасшедшая, стала грести и выгребла всё же со стрежня, но потратила на это все свои силы.

А до берега всё ещё было слишком далеко. Она ещё плыла, но уже понимала, что ей не дотянуть до этого высокого, такого желанного, с узкой песчаной полоской берега. Она пыталась отдохнуть на спине, но страх не давал ей это сделать. Он заставлял без конца тянуть шею из воды, раньше времени переворачиваться и грести, грести руками, теперь уже устало, вяло и беспомощно.

Мимо того ручья, который впадал в реку и где они рыбачили с отцом, её уже пронесло, и она увидела вдруг совершенно другой берег. И он был странный. Не песок и не трава росла на нём: цветы... причём огромные, какие-то прямо не здешние, как на клумбах в парке, в городе, или на шляпах бабы Шуры, только ещё больше и цветастее. Она никак не могла понять, что она видит, и вдруг вспомнила материно:

– Во сне цветы к покойнику снятся...

При чём тут сон, ведь она же не спит?

Но именно в тот момент, когда ей на ум пришли эти материны слова, она отчётливо поняла, что... тонет!

А потом она увидела небо, когда суетливо и торопливо в очередной раз перевернулась на спину. Оно было всё такое же голубое и чистое. «Странно, она тут тонет, а небо такое же, как и до того, когда она не тонула».

Но и с небом что-то сделалось не так, потому что оно сначала словно упало на неё, словно ударилось об её глаза, да так, что в разные стороны полетели осколки. И тут же почему-то закачалось, пошло прозрачной рябью, размылось, и она под-сознанием поняла, что... курнулась в воду.

Уже?

Уля торопливо перевернулась, очередной раз, вытянув шею, хлебнула, нет, не воды, воздуха, тяжело, хрипло, с завыванием чего там – в груди, и вдруг в грудь вместе с воздухом ворвалось возмущённое:

– Не-е-ет!

Нет же! Не может быть! Чтобы и небо такое же, и солнце, и всё-всё-всё, а она – тонет?!!

Но вредное, подлое, ставшее вдруг чужим подсознание ей подкидывало:

– А что такого? Ты же видела однажды, как тонула взрослая девушка. Её вытаскивали на берег, откачивали, она лежала, как мёртвая. Но потом, правда, стала дёргаться, из неё полилась вода, и она ожила. Даже встала сама и, качаясь как зомби, пошла по берегу, а люди стояли и смотрели ей вслед.

«Она тоже встанет и пойдёт по берегу. Она тоже не утонет, потому что её тоже спасут, откачают, и она пойдёт, обязательно пойдёт, поэтому бояться нечего, не-че-го бояться!» – стала она уговаривать себя и... стала успокаиваться. Острым взглядом смирала расстояние до берега: да, далековато, значит, надо отдыхать дольше на спине.

«И руки, рукам давай отдохнуть, чтобы были силы грести!» – приказала она себе. Перевернулась на спину и хладнокровно вытянулась по поверхности воды. Голову запрокинула, руки раскинула в стороны и... расслабилась и... стала смотреть на облачка. Их было по-прежнему три: Уточка, Руно и третий, немного уже в стороне, Снежок. Они ей улыбались.

«Ну, что же вы? Улыбаетесь, а я тону?» – укорила она облачка.

Но они продолжали улыбаться и кивать ей.

А ей вдруг стало обидно. Что она делала, пока не тонула? Злилась, со всеми ссорилась, расстраивалась, чему? Да если бы вот сейчас оказаться на берегу, таком родном, желанном, вместе с Надюхой, как бы они с ней смеялись и веселились! А в сентябре пойти в школу, уже в седьмой класс! А там, все такие родные, свои, правда, эта противная Алина, с которой они вечно ссорятся, вечно соперничают друг с другом, а за что? Алина новенькая, первый год в их классе. У них школа продвинутая, в неё не только тех, кто по месту жительства, принимают, но и по блату. Она с углублённым изучением иностранных языков.

Вот эту Алину родители и пристроили с другого совсем района. Так вокруг неё все мальчишки сразу запрыгали, предатели! Даже про Надин забыли. Вокруг Ули тоже раньше прыгали, но по другой причине: она с характером, ну и... староста всё-таки.

Но почему, почему это теперь кажется такой ерундой? Господи, да почему, кажется, ведь это и есть ерунда! Не тонуть... вот бы счастье! Да она и с Алиной этой... помирилась бы. Да! А что?

И вдруг в сердце как током ударило: какая Алина, о чём она думает, когда мамочка... а папа? Ведь она... сегодня... к ним может не... прийти!

Ну, уж – не-е-ет!!!

При этой невероятной, какой-то просто дикой мысли, Уля резко перевернулась на живот и, словно второе дыхание открылось, снова стала резко, мощно грести руками.

«И... раз, и... два, и... три», – отсчитывала она взмахи чуть отдохнувших рук. Они почти ничего не чувствовали, но непреклонно совершали свои движения: «И... раз! И... два! И... три!»

Странно, но она даже успевала разглядывать берег.

А он, весь усыпанный цветами, почти не приближался, но приближался всё-таки.

Когда тело тяжелело, она снова переворачивалась на спину, раскидывала его по поверхности воды и, выждав необходимое время, снова гребла и снова считала. «И... раз! И... два! И... раз! И... два!»

И снова удивлялась: картинки берега сменяли одна другую. Берег был высоким, даже отвесным, но, словно цветной вязаный свитер на него натянули, весь затянут цветами. И он притягивал к себе, манил, наверное, очень хотел, чтобы она до него доплыла... «Когда меня спасут, надо рассказать отцу, – решила Уля, – приедем сюда с ним на машине, нарвём цветов». «И... раз! И... два...» – снова становилось невыносимо тяжело.

И вот тут, на высоком берегу, среди цветов, действительно появились два силуэта. Один маленький, а другой... это был силуэт женщины, а с ней мальчик. Они смотрели на неё и ничего не предпринимали.

«Ах да, они думают, что она спокойно плавёт. Они же не знают, что я тону. Нельзя им этого показать, – почему-то снова испугалась Уля. – Нет-нет, ни в коем случае, стыдно-то как!» Уля задёргалась и поняла, что снова уходит под воду.

Но до берега уже не так далеко. «Может, всё-таки закричать? Господи, стыдно же!»

Уля снова судорожно стала тянуть голову из воды и, как результат, терять последние силы. Тело встало вертикально и пошло вниз. Она ещё вынырнула, ещё увидела, что силуэты по-прежнему там, на берегу. Они не знают, как спуститься. Берег высокий, просто так не спрыгнешь, обегать надо...

«Не успеют», – почему-то спокойно подумала Уля и столбиком пошла вниз.

И почти сразу почувствовала дно! Она даже почувствовала мелкие камушки с песочком под ногами. Дно было твёрдое, и от него можно было оттолкнуться. И она оттолкнулась и, вынырнув, сделала рывок к берегу. Снова пошла столбиком вниз и... встала обеими ногами на дно! Воды было под вытянутый изо всех сил подбородок...

Она медленно брела к берегу. А куда торопиться? Впереди вся жизнь, долгая, с этим вот, так неожиданно спасшим её «миром природы», который чуть не погубил её, а потом, почему-то, сам же пришёл на помощь.

И это были сначала небо, которое упало на неё и рассыпалось на осколки и вызвало в ней чувство возмущения. Потом тучки, которые улыбались ей, когда она ещё тонула, а потом берег в цветах, который насторожил её, но и заставил собраться и будто тянул её к себе невидимыми нитями. И, наконец, сама река, плечо ей подставила в тот момент, когда твёрдое, каменисто-песчаное дно всплыло из бездны и дало опору её ногам.

Уля не дошла до берега ровно два шага. Она упала на песок, ноги были ещё в воде, но руки... руки зарывались в мелкие, сухие и от этого блёклые камушки, а тело... сотрясалось от немых рыданий.

А потом Уля шла по берегу к любимому пляжу своего маленького городка на реке и думала о том, что сегодня вечером они встретятся с Надюхой, её лучшей подружкой, и будут долго смеяться над какой-нибудь глупостью. А может, и мамочка к ним присоединится, если Надюха к ним придёт, перед тем как они гулять пойдут.

Никаких цветов, конечно же, не было.

Они стали блекнуть, истончаться и исчезать, когда ещё она брела к берегу, борясь усталыми, ватными ногами с упругостью воды, запрокинув голову к небу и желая только одного: быстрее достичь берега и... успеть, пока они все не исчезли, успеть нарвать хотя бы маленький букетик!

Она должна принести его матери с отцом. Потому что, если она расскажет им всё, что с ней сегодня приключилось, они не поверят, а с цветами поверят!

Но потом она упала на берег и рыдала, а когда перестала, ничего, кроме песка с мелкими камушками на берегу, уже не было.

Но она как-то уже и не вспомнила ни про какие цветы, у неё были другие заботы: надо возвращаться к пляжу, уж слишком далеко её унесло.

Но она успеет.

Она всё успеет: и добрести до пляжа, и повзрослеть, и всё понять в этой, так скоро уже предстоящей ей, взрослой жизни.

Она будет красивой!

Она не будет старой!

Ей не нужны «буфера», как у бабы Шуры, она обойдётся без них, потому что ей не нужны... «штабеля мужиков», а нужен один...

И даже не... Гордей! Воображает много.

Но ей будет часто сниться сон, что она плывёт вдоль цветных берегов. Она даже стихотворение про это напишет: «У

цветных берегов я как будто тону, может, этак веков сотню тысяч тому...» Ну и так далее.

Он будет снится ей долго, всё то время, пока она станет подниматься на свой берег. А потом перестанет.

Уля оглянулась. На мгновение перед ней снова возник цветной берег, там, далеко, откуда она уже ушла, и два силуэта, женщина и ребёнок, которые были едва видны и тоже уходили.

– А ведь это... тебя Богородица на жизнь благословила, – скажет, задумчиво стирая со щеки запоздалую слезинку, мать, когда Уля, не скоро, но решится всё-таки рассказать ей обо всём, что с ней произошло. И добавит серьёзно так, будто взрослой:

– Дорожи, Улька, своей жизнью, слышишь? Не разменивай её на пустые страдания.

И засобиралась:

– В церковь схожу, Богородице свечечку поставлю.

А сейчас Уле стало жалко, что незнакомая женщина с ребёнком уходят, и она потянулась за ними. Но потом передумала, повернулась, ещё помедлила и легко зашагала вдоль берега реки к пляжу, к дому, к своему, пусть ещё неясному, но – обязательно – счастливому будущему!

Ведь цветы снятся – к счастью!

Скорей бы уже...

